

Олег МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

ОТЧАЯ НАУКА

Можно сносить отцову рубаху. Опробовать родительский инструмент: разводной ключ, садовую лопату. Даже нахлобучить на голову его любимую дачную кепку. Но славу отцову на башку не напаялишь, честью батиной от бед и слабостей человеческих не оборонишься. На своих поступках и достижениях стоять надо, свои медали надевать. А науку отчую помнить: родину беречь, слово ценить, землю любить, дело доброе приумножать.

ДРУГ

Еле-еле дотянув до выходного, идем с сынишкой, новоиспеченным первоклассником, к Дениске. Как же можно забыть детсадовского друга? Дома его не оказалось, у бабушки тоже:

— Гуляет где-то!

Ростик носом захлюпал, глазами запилькал и — в слезы: потерял друга детства.

— Тю! Вот расстройства — три дома, две песочницы... Отыщется ненаглядный. Чего ревешь-то раньше времени?

— Я плачу так, на всякий случай, вдруг мы его не найде-е-е-ем!..

Я улыбнулся. А сам-то, сам — отправил друга в Суоми, к родне заугорской, к лучшей жизни... Была Финляндия под шведом, была под короной российской. В двадцатом веке стала процветающим европейским государством, имея в зачатках своей культуры карельские руны и новгородскую избу. Вот уж друзей тягает хороших, верных, бегущих звонкими дворами детства. Становится «колючей» заграницей...

Как там Тойво? Получил ли мое последнее электронное письмо? Где тот предел терпения, безысходности, житейской пустоты, что отбросил на неопределенный срок миг нашей «скорой» встречи? Оценив потери и уценив удачи, кого я ищу в потемках, заглядывая в глаза и подворотни, держа за руку сына?

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Перед встречей Нового года, вечером, я с сожалением оторвался от праздничного стола, заслышав дребезжание дверного звонка. Ко мне постучалось приключение. Оно схватило меня за рукав и потянуло на лестничную клетку. Оно было пьяное, в расстегнутой куртке, в расхристанных зимних ботинках, с фингалом под глазом. С такими родными, заплаканными, жалобными глазами. Оно умоляло меня пойти с ним. Скулило и жалилось. Боялось всего, что подстерегало в пути, било и валило с ног мое приключение...

В половине двенадцатого ночи я захлопнул дверь перед самым его носом.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Диспансеризация. Хожение по му... медицинским кабинетам вносит свои смешливые коррективы в суровый ежегодный ритуал, когда врач, сделав дежурную запись в медицинской книжке, иногда поднимает глаза на вошедшего пациента. Что ни говори, а здоровье — главная тема в разговорах давно, целый год, не видевшихся людей. В кабинете кардиолога заговорили о... сердце. Тут же из глубины рабочего стола врач достал маленькое резиновое сердечко:

— Эспандер! — с гордостью произнес эскулап. — Наглядно, модно и пальцы тренирует. Рекомендую...

Я взял в руку милый кардиологический атрибут и сделал несколько натужных сокращений. Забавно...

— Ну а если серьезно, — продолжал доктор, — нет ли у вас, батенька, каких-либо жалоб? Просьб? Предложений по обследованию?

Нет. Нет никаких предложений. Слова в голове совсем в другие предложения складываются. Стоя в долгой коридорной очереди, я с улыбкой представил себе, какой упругий, профессионально разработанный эспандер продемонстрируют мне в урологическом кабинете. Жим, жим. Не беспокоит?

ДЕЛО ПРИВЫЧКИ

Санитар дома престарелых, бывший мореман, страшный весельчак, производит отбой в

притихшей бесцветной палате, командует, щелкая выключателем, запрещая последний за этот убогий день дежурный свет: «Отдать концы!»

НА ВОЛОСКЕ

Непотушенная сигарета... Сколько смертей по этой причине я видел за свою жизнь, искореженных пламенем тел, прикорнувших, будто заснувших в задымленных кроватках детей... Как быстро сгорает деревянный дом! На моих глазах на Перевалке — старом деревянном районе Петрозаводска — вспыхнуло добротное брусчатое строение с мансардой. Ветер разносил осиные искры на соседние крыши, гудел в жаркие окна, как в поддувало печи. Лопался шифер. Треск. Вой. Всполохи жаркого пламени бились в шаманском своем танце, завораживая, все быстрее и быстрее... Заскрипел и рухнул в вязкую осеннюю темноту электрический столб. Пожарные подхватили на руки испуганных детей, подержали причитающую, бьющуюся в истерике мать. Что нажила, что вынесла из горящего дома безутешная женщина? Две аудиокассеты, брошенные на кухонном столе...

Несколько раз и моя жизнь висела на волоске. Когда не успевала подмога, а наша инспекторская «Нива» уже стояла у горящей постройки, по заданию руководителя тушения пожара я сам отсекал мощной струей воды из пожарного ствола наползающий на соседнее имущество огонь...

Приехал я как-то по вызову на загорание одноэтажного частного дома по улице Мира в деревянном секторе Сулажгоры. Сбив пламя внутри бревенчатой халупы, пожарные проливали крышу. Владелец дома как сквозь землю провалился. По словам соседей, был дома и мирно пил водку уже третий день после получки.

Ночь темна. Только фары пожарных машин кое-как освещают черную обугленную обстановку комнат. Мокрая плащ-палатка, подмоченные протоколы не укротили мою решимость осмотреть место пожара по горячим следам. Попросив ближайшего огнеборца осветить мой героический путь пожарным фонарем, я шагнул в черный, залитый сверху и снизу водяными струями коридор и... провалился в прогар отверстого подполья. Вынырнув из вонючей, подернутой сажей жижи, я в полумраке нос к носу столкнул-

ся с телом угоревшего мужчины, появившимся в круге фонарного света, как корабль-призрак. Оказалось, хозяин дома, спасаясь от огня, в подполье заполз. Да, видать, дымом надышался.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Взрыв и пожар на окраине города Петрозаводска, в гаражном кооперативе. Надо же, в мое дежурство... Я на машину — и вместе с автоцистерной через десять минут был на месте происшествия.

Последствия взрыва налицо. Последний бокс — в хлам. Блочное перекрытие лопнуло и держится на одной створке искореженных ворот. Наружную стену вынесло напроочь. Внутренняя кирпичная перегородка — в разобранном состоянии — на соседском «жигуленке», как на мятых носилках покоится. На уцелевших стенах — ошметки сгоревшей проводки. Перед смотровой ямой, затянутой легкой воюющей дымкой, в полутемном боксе стоит копченый, очумевший от происшедшего, мужичок. Вот уж действительно, виновное лицо — и взрыва, и его последствий. Только белки глаз из-под подпаленной шапечки катафотами сверкают. В руках конец обгоревшей веревки дымится... Растолкал я беднягу:

— Иди отсюда! Щас ворота дергать будем, перекрытия рушить. Чё ты здесь торчишь, как гвоздь в пятке!

Бедняга дернулся, будто от глубокого сна очнулся, и за мной на белый свет вышел.

— Братцы! — объяснился после незадачливый мужичок, — виноват... Бензин у меня в яме — полбочки. На черный день. А я картошку там же в коробе держу. Всю зиму едим. Своя. Деревенская. Малость погреть хотел, мерзнет картошка... Паяльную лампу в ведро втиснул, веревкой перетянул и опускаю потихоньку. Куда? В яму и опускаю. Да, где и бочка стояла. Для сугрева... Да не бочки, картохи, конечно. А тут как жакнет! Глаза открываю... Мать моя женщина! Все черным-черно! Будто смерчем огненным полки мои с заготовками и инструментом со стен смахнуло! Да, видно, в рубашке родился. Волна смертная рядом прошла... Стену за спиной капитальную завалило. А мне ничего...

— Да брось, — говорю, — отец, ты эту веревку! Что ее за собой, как хвост, волочишь.

— И то правда, держу, а рук не чую... Черные-то какие!

ЗВЕРИ

На городской художественной выставке: шука — с начинкой в виде домино из карельской березы, шахматы — изображающие стоящих друг напротив друга животных и охотников. Рядом, за стеклом, шкатулки и гребни из мамонтовой кости. Благодаря моей бурной фантазии фигурки зверей оживают. Я вижу настоящих медведей, лосей, сов, которые встают на пути людей, придумывающих все новые и новые способы убийства обитателей земли. А тем временем в животном мире когти, рога, клыки — неизменны на протяжении веков, необходимы для жизни и находятся в согласии с природой.

Красивые, гордые звери! Как они сильны, как они беззащитны...

ДЕТСТВО

В санатории на Алтае, в чудную летнюю погоду, наша меньшая внучка Илария, глядя в пропищавший смартфон, сокрушенно вздохнула:

— Новый учитель литературы на лето задал дополнительное чтение, вот мама прислала в личку: «Вий» Гоголя, «Маленький принц» Экзюпери. Э-э-х...

Надо заметить, что Ларя не особенно любит читать книги, черпая знания из математики и... физической культуры.

— И еще, — продолжает внучка, — Толстое «Детство» и Горькое «Детство».

Ни то ни другое нашей тоненькой спортивной веселой внучке не грозит.

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Да какая там повесть: так — рассказик, недоразумение... Не было в Паше Кашкине ничего героического. Недотягивало его нищенское полуголодное существование до советского пафоса, стремления во что бы то ни стало дойти, доползти, выжить! — быть похожим на Алексея Мересьева из хорошей, прочитанной давно, в

детстве еще, книжки. Не было у Кашкина должного твердого характера и ясной цели. А впрочем, не было вокруг и все понимающего народного строя, взрастившего на всем готовом, бесплатном, бездумном беспомощного маленького человека. Все хорошее — книги, школа, беззаботные годы заушной учебы в городском ПТУ, кипучая комсомольская жизнь завода шарикоподшипников — осталось в той далекой советской стране. А люди... Не все перестроились, не все напали на золотую жилу дикого челночного капитализма.

После бесстыжей приватизации и банкротства родного предприятия, да еще ухода жены, Пашка запил. Толкнул по дешевке холодильник. Вынес на рынок носимые вещи, не потерявшие товарного вида стол и стулья. Сдав пустующую жилплощадь торговцам-азербайджанцам, стал завсегдатаем местных забегаловок и ларьков. Роясь в мусорных бачках, сдавая картон и бутылки, всегда находил деньги на водку. Постепенно научившись обходиться без работы, угла и закуски, Паша продал квартиру. Так, опускаясь по общественной лестнице со стопкой любимых книг и авоськой пустых бутылок, оказался Кашкин в большом и теплом подвале одной из многоэтажек на окраине города.

Выручив как-то на пункте-приеме пивных жестянок сотню рублей, на радостях купил Кашкин три флакончика корвалола. Усугубив содержимое вонючих пузырьков, Паша уснул, чудом не свалившись вниз с высоких подвальных облаков, окутавших трубы централизованного отопления. Три дня носило Пашу по винным морям и водочным океанам, качало и штормило, выворачивало наизнанку и поднимало к лазоревым небесам чудесное сновидение. За время кашкинского полета, незаметного для окружающих, подвал мало-мальски привели в порядок, почистили, проветрили и — заколотили. Зима на дворе стояла лютая. Не хватало еще коммуникации заморозить... Проснулся Паша в темноте. Отдышался. По стеночке, а где и ползком, к выходу подался. Толкнул дверь. Заперто. Он в окно — заколочено. Со всех сторон жэушники Кашкина обложили. Завыл Пашка, загромыхал в дверь! Прислушался. Тишина. Пошел по трубам стучать. До хрипоты тьму подвальную аукал. Никто на Пашкину беду не откликнулся. С неделю Паша

по подвалу ползал, банки консервные чистил, конденсат с труб водопроводных слизывал. Как-то в куче окаменевшего мусора раскопал Кашкин ржавую банку. В протекшей с улицы через щель сизой полоске света разглядел: болгарские консервы... «Глобус»! В 80-х годах в очереди выстаивал, чтобы сынишку, ягодку, клюковку ненаглядную, фруктом диковинным угостить. Как весело сынок на купленном с большой бабиной полочки металлофоне обучался! Он ведь у Паши композитором хотел стать с детства. В музыкальное училище поступил. Да уж окончил, поди... Кашкин с силой ударил жалобно пискнувшей банкой по трубе. Труба отозвалась. Бабушка с пятого этажа по батарее заколотила. Пашка — удар. В ответ — два удара. Наконец надоело бабуле с фулюганом посредством батареи переговоры вести. Позвонила она в ЖЭУ... Мастер-сантехник квартиры обошел. Определил, что звук посторонний из подвала исходит. Дверь, гвоздями забитую, скovyрнул... Пашка, как чумной, на мастера ошарашенного вывалился. Пошатался. Глотнул снега. Размазал слезы по грязным щекам. К свету белому, уже смеркающемуся, пригляделся. И бегом, на ходу подтягивая штаны, к ларьку остановочному понесся!

У ларька Пашу приятель, бомж, обитавший в подвале соседней пятиэтажки, встретил. Давно не видел. Батон из дырявого пакета достал и три флакончика одеколона.

— Я, — говорит приятель, — тебя по-царски угощу — коктейлем «Александр III». В честь своего дня рождения!

И точно, булькнул в литровую банку все три одеколона: один «Саша» и два «Тройного» ... Тут за ларьком в сугробе собутыльников и нашли. Замерзших. Милиция приехала. Товарищей, в 30-градусный мороз в снегу до черноты южной загоревших, в кузов грузовой «Газели», как две мороженые бараны туши, загрузили и в морг свезли...

Оттаял Кашкин. Огляделся. Помещение полутемное. Явно не подвальное. Холодное. И он, голый, на узкой и шаткой койке, ни согреться, ни прикрыться. А боль-то, боль-то какая! Паша, схватившись за живот, сполз на пол.

— Люди, люди, — просипел Кашкин, натываясь на такие же узкие, скользкие в стороны койки, — люди, помогите...

Но люди молчали. Старички и старушки, одетые в строгие наряды, осуждающе отстранялись, откатывались от Пашки, сложив на груди бледные холодные руки. Пищали колесики. Тихо, как на фигурном катании, сталкивались и разъезжались неуловимые каталки. Не ответил другу и давешний безмятежно голый приятель, тупо улыбающийся чему-то во сне... Живот крутило! Пашка бросился к светлой дверной щелке, соединяющей жуткое и скользкое помещение с длинным коридором. Что есть силы Кашкин забарабанил в запертую на засов дверь. Послышались шаги... Удивлению вышедшего на шум заспанного санитаря не было границ! Перед распахнутыми дверьми морга в зыбком квадрате света стоял скрюченный, дурнопахнущий мужичок. Ко всему привычный санитар и тот от духа Пашкиного отшатнулся. В туалет, а затем в обмывочную теплую отправил. Мыло, кальсоны и рубашку чистые выделил. Живой, значит.

Так, со всеми вытекающими последствиями, Павел Кашкин был выписан из городского морга, со справкой, в инфекционную больницу. Так, в одночасье Пашка и документ — справку, подтверждающую его личность, заимел, и жительство временное. Хорошо в палате: светло, сытно! А ведь какой я молодец, подумал про себя Паша. В подвале выжил. В снегу не замерз. На том свете побывал и — обратно вернулся. Откуда эта благодать? Почему это происходит с ним, а не с кем-то другим? Чем он отличается от прочих людей?.. Лежа в больнице, Павел ясно осознал, почувствовал всем своим стосковавшимся по цельности и силе существом, что он никогда и не переставал быть — настоящим человеком!

В ГОСТЯХ У РАСУЛА

Выехав из аэропорта Махачкалы в город, мы с супругой оказались в гостях у Расула Гамзатова. Бросались в глаза многочисленные фотографии, плакаты, постеры, посвященные 100-летию юбилею писателя. Вечерняя столица Дагестана оглашалась молитвой муэдзина, никак не связанной с юбилейными торжествами. Но более всего удивили нас ПДД — правила дагестанского движения. Ездят джигиты — кто как захочет, одним им известным способом: на опыте и клаксоне. И все многообразие языков

горских народов, переваливших за тридцатку, звучащее из открытых автомобильных окон, объединял русский язык. Благодаря русскому языку — горы, храмы, мечети, достопримечательности и люди — становятся ближе.

Язык довел нас с женой до главной площади Махачкалы. Оттуда по направлению движения центрального каменного монумента — памятника Владимиру Ленину — мы вышли к морю. После Каспия, проходя через приморский парк, оказались за спиной другого памятника Ильичу, чья вытянутая рука указывала на фасад близлежащего дома. В нем и оказался подъезд, где разместилось Дагестанское представительство Союза писателей России — конечный пункт нашего махачкалинского путешествия. Тепло встретив неожиданных гостей, писатель Сувойнат Кюребекова сопровождала нас в кабинет Гамзатова, украшенный его фотографиями, уставленный памятными вещами и статуэтками.

— Ну, здравствуй, Расул!

ФОНТАН

Многоструйный, музыкальный, подсвеченный разноцветными лампами фонтанный комплекс — вечерняя достопримечательность Дербента. Временами на облаке водяной пыли возникают танцующие пары, горные пейзажи Дагестана, лица старейшин и поэтов. Чудеса цифровой визуализации.

Прервалась музыка. На импровизированном экране появилось изображение седого горца. Мудрую речь сказал старик, житель Дербента. Простую и сердечную. О семье, о чести, о неизбывной любви к отчей земле, о неизбежности родовых связей, о ценности семьи и бескорыстной дружбы. И будто бы снова я обнимал маму, говорил с отцом, умилялся первым несмелым шажочкам годовалого сына... И не брызги фонтана, разносимые резким морским ветром, а настоящие слезы текли по моим щекам.

ВЕРШИНА

Где моя дорожная сонливость? Сиюминутное засыпание под мерное колыбельное качание салона маршрутки? Отброшена пуховая подушка облака! Падает с гор одеяло белорунного

тумана. Я — на вершине Дагестана, на солнечных террасах села Гуниб. Завораживают дух — глубокие пропасти, красоты курчавых золоченых осенних склонов. Холодный горный воздух, как глоток минеральной воды в жаркий день, сбросил остатнюю усталость. С легкостью поднял я деревянную переносную люльку в историко-краеведческом музее Гуниба... С радостью узнал, после возвращения домой в Карелию, о скором рождении внука.

КАВКАЗСКИЕ МАРШРУТКИ

Путешествуя по Дагестану, частенько пользовались с женой услугами такси и экскурсионных маршруток. С национальным музыкальным аудиосопровождением. Сложилось впечатление, что основное содержание дагестанских песен — на объединяющем «вавилонское столпотворение» горских национальностей русском языке — сводится к двум емким, характерным для мужчин Кавказа, строчкам:

«Искал тебя дни и ночи,
Влюбился в тебя, короче...»

БЕШЕНСТВО

— Мы ее из лафетного ствола достанем...

— Ага. Достанем. И окна соседские расколотим, — комментировали происходящее прибывшие на место вызова бывалые пожарные.

Кошка, вцепившаяся в верхушку высокой березы, почти достигавшей верхних окон пятиэтажного дома, не поддавалась ни на какие уговоры. Глаза навывкате. Орет благим матом. Цирк — да и только!

— А по мне — пусть висит и сохнет. Хоть до самой шкурки. Что нам, делать нечего, как за кошками по деревьям лазать? Да и кто из вас видел кошачий скелет на дереве? — внес свое веское слово водитель автоцистерны.

— Отставить болтологию! Дело предлагайте, — прервал дискуссию начальник караула. — Митрич, придется тебе кошечку вызволять.

— Что? Опять? В прошлый раз хозяйка ключи потеряла. Митрич, выручай! Лезь в форточку, — взмолился худощавый и низкорослый старший сержант.

— Да то ж из уважения к даме...

— Уважение? А то, что мне до трусов пришлось раздеваться, чтобы в форточку узкую влезть — это уважение?

— Митрич, ты же у нас самый легкий и звонкий. В любую дыру влезешь. Сними ты с нас эту орущую страсть. За ночь ведь все телефоны оборвут. А я с тебя дневальство ночное сниму. Отоспишься! — уговаривал строптивца озабоченный начкар.

— Отоспишься с вами... Давай лестницу. В три колена ее и три буквы!

Полез сержант. Осторожно. Со знанием дела. Вот уже вожденная напряженная ветка...

— А-а-а-у-у! — слился в один нечеловеческий вой — вопль пожарного и вконец обезумевшего животного. — Она меня через крагу брезентовую прокусила! Гадина! А ну, пошла вон, дохла-тина!

Движимая прокушенной рукой, благополучно шмякнувшись оземь, кошка пулей влетела в отверстие подвальное окно.

Слегка взбешенного Митрича в травмпункт свезли. По дороге коробку одноразовых шприцев купили. Поди знай, чем эта тварь, блохами покусанная, в подвалах бомжовских питается. За что, за многовековую эволюционную историю на человека зуб имеет?

СОЕДИНИЛИСЬ

По служебной необходимости, возглавляя ветеранскую организацию регионального МЧС, часто бываю на Сулажгорском кладбище. И до последнего времени — в недоумении — лицезрел надпись на одной из гранитных плит. Годы жизни приличные, дата рождения покойщегося на погосте мужчины довоенная. Удивляло имя: Револ Владимирович Карпу. Какие святцы или талмуды подвигли наречь так любимого сына? И вот нынче, проходя мимо знакомой оградки, заметил, что рядом с памятной плитой встала другая: Люция Владимировна Карпу. Брат и сестра — легли друг за другом в карельскую землю. Разрешилась эпохальная загадка...

Воистину, чудно родительское воображение и искреннее желание — соединить, увековечить имена своих детей великим для советского времени словом: РеволЛюция.

ДЕЛА...

Там, где на помойку выбрасывают книги, сжигают потрепанные устаревшие фолианты, — не ценят людских жизней, не дорожат мыслью и памятью человеческой. Без чтения мудрых книг, осмысления прошлого, значимости человека не может быть здорового жизнеутверждающего будущего, вдумчивого и разностороннего общества.

Получается так зряшно, не по-людски: лежат еще живые книги, лежит память об отцах и дедах — мертвым грузом, который не вмещается в гаджеты и другие бездушные, разобщающие поколения электронные носители.

Что-то можно еще открыть: вот сборники писателя-классика, вот писателя-современника, да вот хотя бы книги Олега Мошникова. Вполне доступные в Национальной библиотеке Республики Карелия. Все равно — для не читающего, равнодушного к краеведению, не знающего семейных историй молодого человека, хоть бы и родной племянницы, — эти книги, как кладбищенские могилки бабушки и деда в предместье Петрозаводска. Никто из мошниковской поросли их посещать не собирается. А зачем? Зачем отрываться от компьютерного стола? А что это им даст? Чужие воспоминания? Чужая боль? К чему молодежи: война, репрессии, финские концлагеря, тюрьмы, детдома, карточки, голодуха. Да и книги дядины им к чему? Пепел Клааса не стучит в их оглохшие сердца...

— Да, — тяжело вздохнул братик мой Саша, — дела... Слаб человек, когда без души, без связей. На Вилговском кладбище — народу что капель в озере. Да все участки — как под копирку. Не скоро родимую могилку сыщешь. Вот ты да я, да жены наши — тропинки скорбные по памяти проходим. А дети? Давно ль на погостах городских были? Бабушки-дедушки внуков десятилетиями не видят. Думаешь, с нами иначе будет? Твой памятник упадет — никто не поднимет...

— Я твердо решил, — добавил брат, — после окончания земных дел кремироваться. Не православное, но все ж — христианское, разумное поветрие. И пусть мой пепел над Онежским озером друзья-товарищи с катера рыбацкого развеют... Славно я на нем порыбачил! Широко и глубоко Онего-озеро. Без вреда для себя дар мой по-

следний примет. А кто на берег взойдет: слеза памятная, горячая — другим озерным каплям, входящим ручейкам и речушкам — сестрой будет. Пока люди милые онежской волне кланяются — моя могилка не осиротеет... Таково, братка, мое духовное завещание, перевернутая страница.

Так и живет в моих ладанках — страница за страницей, шелестя пепельными онежскими волнами, — Сашина мудрая, распахнутая для людей книга.

ТРИНАДЦАТЫЙ СТУЛ

Частный деревянный одноэтажный бревенчатый дом в районе Старой Кукковки. Пожар на кухне. По первым заморозкам бабушка решила протопить железную плиту, да дрова больно длинные и сырые заготовила. Топочная дверца в притвор не закрылась. И как следствие уголек на пол выпал...

Пытались огнеборцы в дверь войти — заперта. До владельцев не достучаться. Так они — в окно, уже потемневшее от копоти, пропихнулись. Видят, хозяйка, надсадно кашляя, в косяки дверные намертво вцепилась, вход в дом собой загораживает:

— Не пушу! Воры, кхе-кхе, грабители!

Впускать спасителей не хочет. Отодвинули старушку в сторону — рукавную линию провели. Подали ствол в сторону горящего печного угла. Попутно мебель тлеющую за окно выкидывать стали — и так в помещении дышать нечем.

— Караул! Грабят! — верещит неумная старуха.

Чего раздухарилась? И брать-то в доме нечего: печь, стол, железная кровать да колченогий вонючий стул. Вот его-то и тлеющее постельное белье в первую очередь за окно выбросили. Пол зачернили. Избу на проветривание поставили. А бабушка все в двери рвется, руками машет и блажит пуще прежнего:

— Ограбили, сволочи! Последнего лишили! А ну возвращайте мои мебели обратно!

Не возьмут в толк пожарные, что старухе надо? На всякий случай стул и тряпки — обратно через окно в дом перекинули.

Бабуля как обвешенный спекшимся закопченным тряпьем стул увидела, сразу к нему

кинулась. Белье с сидухи встряхнула, а там — пакет. В пакете деньги. Толстая пачка. Враз успокоилась старушка, на стул колченогий бухнулась. Расплылась в чумазой блаженной улыбке: сохранились, не сгорели похоронные деньги.

Вот и славно! Огонь стены родные не тронул. И, несмотря на все злоключения, не добрался до бабкиных сокровищ местный кукковский Киса Воробьянинов. Тринадцатый стул выпал из поля его авантюрных интересов.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВСЕЛЕННОЙ

Чудо природы — человеческие руки... Помню, как в раннем детстве я разглядывал свои тонкие чуткие пальчики. Сквозь нежную розоватую кожу. Беззащитные. Слабые. Неловко сжимающие яркую погремушку... Потом я реже обращал на них внимание. Мало ли чем ребенок может заняться, когда его день насыщен событиями, как год взрослого человека. Но все равно, они были необычными, странными — после бани, похода за черникой, удара молотком мимо гнutoго гвоздя или даже упакованные в тяжелые гипсовые лубки. Да, доставалось моим рукам немало...

Как часто я обращался к ним, разговаривал с юркими смешными человечками, которых изображали скрещенные или согнутые пальцы; с удивлением взирав на их трепетные настенные тени. С бережным восторгом, познавая окружающий мир, я утыкался в мамины ладони, вскарабкивался на колени отца, прикасался к новорожденному брату, любимой книге, хоккейной клюшке, синему новенькому училищному аттестату, лестнице-штурмовке на учебном пункте пожарной службы, ласковой коже любимой, ощущал бесконечную радость купания трехмесячного улыбчивого сына. Я окунался в ощущения жизни! Шелковистые. Пыльные. Пузырьково-воздушные. Бьющие искрой. Опьяняющие сладкой дрожью. От этих прикосновений руки наливались силой, надежной и доброй силой. О, сколько счастливых незабываемых мгновений подарили мне дорогие, любящие, чувственные руки! Мои ощущения, моя защита, моя возможность — соприкоснуться с огромной и с крошечной житейской Вселенной.

ПЕРВОЕ ДЕЛО ХОЛМСА

Моя инспекторская карьера в Пожарной охране Карелии началась с самостоятельного дознания по пожару в поселке Вилга. У одного беззаботного посельчанина баня сгорела. Дело для Карелии обыкновенное. Хозяин без претензий. О причине загорания сказал одно, безучастно махнув рукой:

— Печка полыхнула...

Я объяснения получил, протокол осмотра места пожара составил и — к начальнику Прионежской инспекции прибыл. Майор Плинтусов схемы и протоколы мои посмотрел и вернул со словами:

— Не там, лейтенант, ищешь... По расположению очага пожара это не печка.

Поехал я опять в Вилгу банного погорельца допрашивать.

— Прохудилась, перетопилась, воспламенилась, — взмолился третий день безнадежно пытающийся протрезветь мужчина. — Да в гробу я хотел видеть эту баню! Захочу и сарай спалю! Все мое!..

Еле-еле удалось мужика на кухне початой бутылкой успокоить. Согласился хозяин и с тем, что банька его стоит на отшибе. У леса. Мало ли кто в нее заглянуть мог, спичку бросить...

Я, довольный, во второй раз от руки переписанные бумаги на стол начальника положил. Плинтусов только мельком на мое заключение взглянул и выдохнул:

— Не то... Не там ты, лейтенант, причину ищешь. Поехали обратно к твоему частному собственнику...

При виде нашего «уазика» хозяин бани едва огородами в лес не ушел. Да, видать, вчера здорово перебрал. До сарая доковылял и, прислонившись к дощатой стене, на землю съехал...

Майор Плинтусов, осмотрев банное пепелище, заинтересовался болтающимся на столбе проводом:

— А это что такое? — и рукой за провод ухватился.

Тут его трясти начало. Лицо покраснело. Волосы под фуражкой дыбом встали. Глаза вот-вот из орбит вылезут! Я, недолго думая, схватил первую попавшуюся доску и по проводу шаркнул...

Потом мы вдвоем с хозяином майора водой отпавали, в чувство приводили.

— Теперь ты-ты-ты понял, в чем причина по-по-пожара? — слегка заикаясь, повернулся ко мне Плинтусов, тряхнув вздыбленной и слегка взъерошенной током челкой. — Пиши протокол за-за-заново, Шерлок Хо-хо-холмс...

Переписал, куда денешься, и объяснения с перепуганного мужика взял, и все положенные документы за нарушение правил пожарной безопасности составил...

При расследовании пожара мелочей не бывает. Показания очевидцев — половина дела. Главное — грамотно составленный протокол осмотра места пожара. Очаг загорания, направление конуса огня, следы побежалости на металле, глубина переугливания древесины, алюминиевые катыши на проводке — от глаз инспектора не ускользнут. На пожаре надо быть дотошным. Как мой начальник.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Поэтическое откровение, прервавшее начатую было и вылетевшую из головы строфу, остановило меня посередине заснеженного тротуара: как ни крути, а самое лучшее мое произведение, озаряющее своей значимостью мое пребывание на белом свете, это — рождение сына.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ДОСТОЕВСКОГО

Русским по своему менталитету, православной вере и исторической азиатской самобытности — не по пути с западным миром:

— Народ будет против пути на Запад, к тамошнему мироустройству, обществу, законам и ценностям...

— Ну, значит, надо уничтожить этот народ! — вот такой ответ услышал Федор Михайлович Достоевский в приватной беседе в конце XIX века с западником, приверженцем западных благ и преимуществ.

А не то ли происходит сейчас на Украине и в России? На одной шестой части суши. Запад, Атлантический блок последовательно добивается своей человекодавилной, дьявольской цели.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Наше детсадовское восприятие жизни оказали влияние многие вещи. Игрушки. Дворовые игры. Книжки. Радио. И, конечно, — черно-белый телевизор «Рекорд». Вернее, то, что на экране мельтешило и разговаривало. Так как телевизор был один, то включали его родители и, конечно, взрослые передачи. Особенно запомнились мне передачи конца 60-х годов, идущие по выходным дням: «КВН», «Клуб кинопутешествий», «Кинопанорама», «Кабачок 13 стульев». И мамин любимый — «Музыкальный киоск». Родители регулярно ставили тугой переключатель на первый канал, среди имеющихся двух. На втором постоянно шли долгие республиканские передачи на финском языке. Отсюда, по-видимому, и произрастают мои музыкальные предпочтения, чувство юмора и эталон детского восприятия женской красоты — мама, пани Зося и пани Каролинка.

ТАЙСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Долетели мы наконец до Южной Азии. Поглядели на пляжи, фруктовые рынки, экзотические улочки и храмы, на тамошних артистов... Красочное карнавальное шоу трансвеститов в городе Паттайе неожиданно завершилось песней Полины Гагариной «Я жду перемирия». Знают, ждут, выплясывают, поют, пострелята! Волнуют сердобольных тайландцев мировые события, вести из «горячих» точек, новинки российской эстрады. Хоть так. Хоть через танцы-жманцы под фонограмму, но на русском языке. С понятием и солидарностью. Опять же, известности и веса нашеньким исполнителям добавляют. О то ж и в России школьники, заслушав фамилию «Гагарин», переспрашивают: Полина, что ли?

Все ждут перемирия, завершения СВО на Украине, даже тайские трансвеститы.

ТАКСИСТ

В Петрозаводске в последнее время сохраняется тенденция привлечения — в качестве водителей такси — выходцев из Средней Азии.

Однажды такой вот таксист забирал меня от филармонии. Приехал быстро. И быстро нала-

дил контакт с пассажиром, расхваливая на все лады карельскую столицу. И, на удивление, говорил складно, литературно даже. С легким туркестанским акцентом.

— Славный у вас город. И край красивый. Особенно летом, — начал очередную тираду разговорчивый водитель. — Правда, горожане странность языковую имеют...

— Знаю, — прерываю я собеседника, — числительное «пятьдесят», как «пиписать» произносят!

— Да, и это тоже. Но более всего меня удивляет, что карелы вместо «да» — «но» говорят. Как будто ишака погоняют.

— Не может быть! — возмутился я. — Впервые слышу!

— Ну вот вы местный?

— Но...

СТО ПЕРВЫЙ ЭДУАРД

«Когда король английский Сто первый Эдуард, которого зову я просто Эдя, однажды попросил меня в Британский зоопарк достать ему полярного медведя...» — эпиграфом к этой ладанке я взял песенку барона Иеронима фон Мюнхгаузена из мультфильма, посвященного этому неунывающему герою. А чего унывать? Я, как и барон, этим тяжким грехом-кручиною не страдаю. Ну, перепутали составители антологии «Поэзия и проза финно-угорских и самодийских народов» мое имя при представлении переводов вепсских поэтов. Ну, обрадуются национальные литературоведы новому стихотворцу-переводчику Эдуарду Мошникову. И что? Ведь не Пупкин, не Облоухов. Мошников! А то, что отчество мое именем стало, — пустяк. Ученые хорошему литературному переводу завсегда рады, и, по всему выходит, — батю моему родненькому, Эдуарду Михайловичу, памятник нерукотворный на века поставлен.

Не думал, не гадал батя, светлая ему память, что попадет в антологию национальной литературы. Хотя за всю свою честную жизнь — рабочего на Онежском тракторном заводе — не написал ни одного четверостишия ни на русском, ни на английском... Откуда — спросите — у паренька из карельской глубинки такое редкое королевское имя? А все просто. Отец родился в мае

1944-го в городе Беломорске, бывшем во время войны временной столицей Карело-Финской ССР. Морской порт на Белом море посещали союзники — английские моряки и американские летчики. Язык Сто первого Эдуарда, звучавший на улочках Беломорска, по-видимому, и подвиг молодую пару назвать первенца по-королевски. Так в мошниковском роду появился «английский» след. А теперь и поэт-переводчик — Эдуард Мошников.

ГЛОТОК ПОЭТИЧЕСКОГО МАРТА

Международный женский день 8 Марта помнится с самого детства. В детском саду и школе мои восторженные сверстники поздравляли мам и бабушек различными поделками: шили ромашки для булавок, делали аппликации, рисовали открытки с цветочками. Я однажды решил написать стихотворение. Поэтическое творчество захватило меня — раз и навсегда — со второго класса, как только я научился разбирать свои каракули в школьной тетрадке. Вот оно:

*Восьмое марта вещий день,
Имеющий всемирное значение,
Цветок невянувший женьшень —
Суровой жизни умиление.*

*Не будь его — завяли б все цветы,
И счастье б кончилось дарить,
К стопам прекрасным положить
Букет немногословной теплоты.*

Почему «к стопам» — не знаю. Но в советском детстве, когда стихи одаренные отпрыски обычно декламировали с табурета, у меня было возвышенное настроение. Как у памятника.

Многими годами позже, подражая дворовой гитарной песне, во время срочной службы я написал свой второй 8-мартовский шедевр. Он был о первой любви. Хотя до службы в армии я не понимал ни бельмеса в оном щекоотливом предмете. Приведу одно четверостишие:

*Восьмого марта дарят всем подарки,
Восьмого марта дарят всем цветы...
А я тебе в весеннем парке,
Моя любовь, тот вечер подарил.*

По-видимому, кто-то из моих сослуживцев поделился со мной своим гражданским восторженным воспоминанием. А я принял ситуацию близко к сердцу. Не знаю отчего, прочитав этот опус в моей солдатской записной книжке, замполит батальона капитан Барт долго смеялся...

Настоящее чувство пришло уже к зрелому 30-летнему поэту. Поток любовной лирики ворвался в мое творчество в 2000-е годы, и до сих пор нет-нет да и прозвучат новые восторженные нотки. Я не разделяю вывода одного из московских поэтов, который, посетив второй день семинара молодых писателей, хлопнув меня по плечу, выдохнул с перегаром:

— Сегодня ночью написал стихотворение о любви. Закрыв тему.

Так вот, мое стихотворение о любви далеко не последнее. Я пишу новые, переделываю, совершенствую давние неточные стихи с очередным глотком поэтического вдохновения. Но — нет предела совершенству! Наверное, в двадцатый раз я обратился и к этим весенним стихотворениям:

*Раннюю весною
Средь сердечных буйств
Есть ещё — Восьмое —
Из известных чувств:
Дай мечтам согреться —
Тут и расцветут! —
От желаний сердца,
От касаний губ...*

Мечтайте, любите, радуйтесь каждому Божьему дню, будь то — праздник или рабочие будни, и — живите поэзией, люди!

ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ

В полночь на «огонек» — пожар в мрачном переселенческом бараке — прибыл молоденький капитан по фамилии Федюра. Несмотря на молодые годы, занимал он весьма ответственный оперативный пост и, чтобы оправдать высокое доверие, старался не упустить ни одного подходящего героического случая. Он рвался в бой. Был осыпан горячей золой. Попал под струю ледяной воды. И первым увлек в чадающую барачную тьму отважных огнеборцев.

Вспыхнул фонарь. Побежали тревожные стремительные минуты... Вдруг впереди, со стороны глухого коридора, забрезжил свет. Свет приближался, становился все ярче и все возмутительней. Навстречу капитану шло неизвестное пожарное звено.

— Кто такие?! Какая часть? По чьему приказу?! — долетел до идущих следом бойцов крепнувший командирский голос. — Я оперативный дежурный Федюра! А вы что? В рот воды набрали, огнетушители? Кто старший? Приблизь ко мне забрало! Дай-ка я в глаза твои бесстыжие посвечу...

Ударил луч. Заметались дымы. Супротив офицера — в куче брошенных безутешными погорельцами вещей — стояло огромное старинное зеркало.

ГРИШИНА СЕРДЕЧНОСТЬ

В прошедшие выходные наводили с Гришей порядок на лососинской даче. Григорий, как старший сын в нашей семье, всю трудную кропотливую работу по благоустройству домика и грядки берет на себя. Его стараниями появился летний кухонный водопровод, аккуратно выложенные белой плиткой садовые дорожки и автомобильная площадка. Гриша — врач. Ангиохирург. А врач спасает человеческие жизни, бережет и ценит людей, даже если у него не операционный день. Григорий — отец. Две дочери — под его ласковым, а иногда и строгим приглядом. Советы папы, житейские наставления, ежедневный пример трудолюбия, упорства и удивительного жизнелюбия — путеводный свет дорогим веселым девчушкам. А Майя? Что бы представляла из себя ее жизнь без любимого супруга, без забот о большой семье? Её трудностей, неожиданностей, печалей и радостей... Григорий — чудесник! Когда волей судьбы я оказался на операционном столе в Гришино дежурство, он поставил стенты на мое слабое сердце. И оно начало старательно биться! Это биение, как биение новой полнокровной жизни, позволяет мне дышать, мерить шагами дачные дорожки из «белого кирпича», ладить кустовые ограды и уже знакомые читателям прозаические ладанки. Спасибо, Гриша, за эти мерные сладкие удары... Обремененная первенцем, такое же биение чув-

ствовала под сердцем его мама Марина. Маринушка... Дал Бог счастье мне, Марине, Майе и любящим дочерям, дружно растущей семье — под барабаны, фанфары, свет монитора, стук молотка или чавканье тяпки — находить постоянный отклик на свои чаянья и надежды в родной отзывчивой душе, чувствовать Гришину сердечность.

ДОЛГ

Долг поэта, художника, творца — спасти слово, историю, красоту природы и людскую любовь от смерти! — через свою память, нравственные поиски, переживания и настоящие бескорыстные поступки.

ФУТБОЛЬНАЯ КОМАНДА

Близится вечер. А с ним — закрытие многочисленных кавказских музеев, летом не обиженных посетителями и многочисленными автобусными экскурсиями. Сажу на лавочке у «Домика Лермонтова» в Пятигорске. Жду свое счастливое семейство, посетившее последнее пристанище опального российского поэта.

В скверик, разбитый во дворе музейного комплекса, вбегает галдящая стайка детей: совершенно одинаковых девочек-футболистов, в желтых футболках и черных трусах. Веселые. Запыхавшиеся. Видно, сразу после ответственной выездной игры.

Серьезный, но молодой тренер, с каменным властным лицом, раздавая входные билеты, отдает четкие команды расшумевшимся подросткам:

— Отставить бузу! Слушаем расстановку на матч: распределяемся по углам экспозиции. Не кричим. Не шумим. Ничего в доме не трогаем. К людям с вопросами не пристаем. Это музей! Потом посмотрите в интернете, кто такой Лермонтов...

КАК Я НЕ ВСТРЕТИЛ РОЖДЕСТВО С ПРЕЗИДЕНТОМ

Вразгаре рабочего музейного дня — звонок по сотовому телефону:

— Это Олег Эдуардович?

— Да, это я.

— Вот и славно! С вами говорит представитель администрации президента России — такой-то, такой-то... В год 350-летия со дня рождения российского императора Петра I Владимир Владимирович Путин планирует быть на рождественской службе в вашем храме апостола Петра на Марциальных Водах. Что вам нужно для подготовки площадки и встречи президента?

Что мне надо? Да всё надо! На носу — Новый год. Турист косяком прёт. А музейные объекты — церковь и Домик смотрителя — не готовы. Реставрация храма идет уже три года. Иконы первого ряда сняты. Со стен сыплется побелка. Алтарная часть в лесах. Церковь зимой не отапливается: необходимы мощные обогреватели, тепловые пушки. А электроцит не выдерживает и одного маломощного калорифера. Тут же вырубается. И вообще со светом в поселке Марциальные Воды — проблема. В холодное время частенько отключают. Всю эту правду-матку я и выложил скрупулезному и деловитому чиновнику.

— А можете вы за неделю, — продолжает представитель президента, — разобрать леса, отреставрировать и установить иконы, снять извешку со стен, усилить электронагрузку и продумать отопление церкви?

Мое красноречивое молчание и сокрушенные вздохи, по-видимому, убедили звонившего из Москвы чиновника, что за неделю проще уволиться с должности заведующего музеем в карельской глубинке, чем выполнить его мечты и пожелания.

Больше президентская администрация — ни звонками, ни письменно — неожиданными просьбами сотрудников музея Первого российского курорта не беспокоила. Но и лично для меня обломилась возможность провести экскурсию и отстоять рождественскую службу с президентом России.

НЕ ПЕРЕГОРЕЛИ...

На сентябрьской встрече молодежного крыла творческой группы «За мирное небо», выезжавшей с концертами в вузы Донецка и Мариуполя, что проходила в общежитии Петрозаводской консерватории, выступил извест-

ный карельский артист Александр Овчинников. Александр, сопровождавший группу в поездке по городам Донбасса, рассказал о проведенных им мастер-классах для тамошних студентов, которые в трудных прифронтовых условиях не забывали о музыке и учебе. В его эмоциональном выступлении было много интересных моментов, связанных как с непроезжими рокадными дорогами, так и с теплым приемом принимающей стороны. Немало в поездке было героического и душевного, серьезного и смешного. Так, неожиданно для мэтра, прозвучал вопрос одного из слушателей мастер-класса в Музыкальной академии Донецка:

— Товарищ артист, — зашелестел конспектом, поднимаясь со стула, юноша, — поделитесь, пожалуйста, творческим опытом, как избавиться от перегара?

— От перегара? Ну что ж, бывают и такие жизненные неудобства в актерской профессии...

Ничтоже сумняшеся, минут двадцать петрозаводский педагог читал лекцию пытливому юношеству о лавровом листе, огуречном рассоле, горелых спичках, крепком чае, ломтиках имбиря, ароматном полоскании полости рта цветочным лосьоном и бодрящем холодном душе.

— А вообще, — подытожил он свое выступление, — лучше за день перед утренней репетицией и вечерним концертом спиртного не употреблять.

— Да оно понятно, — продолжал гнуть свою линию все тот же настойчивый молодой человек, — а что делать, когда идешь на сцену через силу и тебе все обрыдло, неинтересно, от ноктюрна на флейте с души воротит?

— А, так вы эмоциональное выгорание имели в виду? Так сказать, перегореть в профессиональном смысле? — оживился мэтр. — Да это ж совсем другое дело!

И еще четверть часа пришедшая на мастер-класс публика слушала проникновенный монолог актера о муках творчества, поисках собственной интонации, свойственной только вам образной изюминки: обо всем, чему никакая рутина не грозит. И еще. Пробираться сквозь тернии избранной профессии надо не сломя голову, а с остановками. Флейту продуть. Стихотворение любимое рассказать — да так, чтоб все ахнули. И на разрыв работать можно, когда интересно,

— только с остановками. Главное — не перегореть...

— И, надо заметить, — завершил свое выступление в красном уголке общежития Петрозаводской консерватории Александр Овчинников, — когда я говорил о похмелье, старательные донецкие студенты конспектировали мою неожиданную лекцию более тщательно и вдохновенно.

ДОВОУШКА

Каморка под лестницей одной стеной соприкасалась с курительной комнатой, расположенной в здании пожарного депо. Каморку отдали во владение бойкой сметливой женщине — уборщице серьезного казенного учреждения. А тут, через стену, мат на мате. То с пожара — заморенные и веселые, то с боевой учебы — смешливые и пропотевшие, не стеснялись в выражениях пожарные. Коллектив мужской, привычный. Слушала-слушала женщина байки да прибаутки ядреные, пока охота слушать это безобразие не закончилась. В очередной похабный перекур она и говорит сквозь легкую стену:

— А ну, охальники, сейчас же перестаньте матюгами выражаться! А то я вас быстро, того, культурному языку обучу!

Пожарные притихли:

— Слышь, мужики? Кто это там ругается? Чертовщина какая-то...

— Не чертовщина я, а Домовушка! А не будете меня слушать, летать вам всю ночь по пожарам, как ведьме на помеле!

И точно! Всю ночь до утра «курильщики» от сараюшек и чердаков полыхнувших прикуривали. Смену дежурства на большом категорийном пожаре производили. В курилку весь караул набил-ся обсушиться.

— Уф, — выдыхая мирный табачный дым, подытожил многозначительное затянувшееся молчание старый пепельнобровый «тушила», — вы как хотите, а я нечистую силу в наш прогрессивный век не исключаю. Есть там что-то такое, что нам спокойно жить и служить не дает, есть! Вы уж, братцы, поосторожней с матерщиной. Не поминайте черта всуе. А то, не ровен час, из дому на «БИС-ов» пожар вызовут чуды потусторонние. С них станется...

За стеной, в полутемной, занавешенной мокрыми тряпками и заставленной ведрами каморке, лицо «домовушки» озарила довольная озорная улыбка.

ОЩУЩЕНИЕ РОДИНЫ

Поэт садится за письменный стол, пытается записать пришедшие на прогулке строки. А мысли уже бегут полями воспоминаний давно ушедших лет. Душа окунается в густые травы, раздвигая упругие ветки, уходит в небо, в небо России. Перед глазами плывут городские скверы, деревенские причалы, палисадники детства, кусты смородины и малины на родительской даче, места студенческой или военной юности, лесные озера и железнодорожные полустанки, все, что связано с семьей, друзьями, что озарено вспышками избирательной и благодарной памяти — свои маленькие Кижы, Плесы, Севастополи, земли Санникова. Вспышки памяти — вся твоя жизнь: первая книга, выступление, успех, первое любовное чувство, посаженное дерево или выточенная своими руками деталь на станке, первая молитва, первое слово долгожданного ребенка, радость перепол-

няющего тебя мира — это ощущения Родины! И эти ощущения — чудесным образом — может вместить в себя получившаяся строфа, сокровенный рассказ, соединившие тебя с любимыми людьми, родной улицей, озерным храмом, историей России, когда Душа полнится Родиной, а Родина — Душой.

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске.

По национальности — вепс.

В 1988 г. окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище.

Подполковник внутренней службы в отставке.

Публиковался в журналах «Север», «Карелия», «Урал», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Наши современники»,

«Нева», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Приокские зори»,

«Подъем», «Юность», «Молодая гвардия», «Молоко»,

«Берега», «Роман-газета», еженедельнике «Литературная Россия».

Автор пяти сборников стихов,

книги переводов вепсских поэтов и трех книг прозы.

Лауреат нескольких литературных премий,

в том числе Всероссийской премии

имени Г.Р. Державина «Во славу Отечества».

Член Союза писателей России.

Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

Живет в г. Петрозаводске.

